

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Генрих
Манн

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА IV

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
М 23

Перевод с немецкого Натальи Касаткиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19219-5

© Н. Г. Касаткина (наследники), перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

I

ВОЕННАЯ УДАЧА

МОЛВА

Король победил. Впервые отбросил и смирил он противника. Правда, вражеской мощи он не уничтожил и не взял над ней решительно верх. Королевство его по-прежнему в смертельной опасности, да оно и отнюдь не в его власти. Оно все еще во власти Лиги, ибо беспутство современников, их сопротивление порядку и разуму за десятилетия междоусобных войн переросло в безумие. Вернее, хуже, чем открытое безумие, — тупая привычка к бессмысленному и беспутному прозябанию овладела людьми, печальная примиренность с позором укоренилась в них.

Не первой победе короля изменить это. Единичная непрочная удача — что в ней от случая, а что от предопределения? Она не может убедить людей в их неправоте. Как так? Выходит, этот самый протестант с юга совсем не главарь разбойничьей шайки, выходит, он истинный король! Кто же тогда все великие вожди Лиги: ведь каждый из них владеет провинцией или управляет областью, и притом самолично, со всей полнотой власти. Король же повелевает, пожалуй, лишь там, где стоит его войско. Мыслями королевство за короля: это не без тревоги и горечи признают многие. Мысль меньше подлинной власти, но она и больше. Королевство — это больше, чем пространство и владение, оно равнозначно свободе, оно тождественно праву.

Если извечная справедливость взглянет на нас с высот, она увидит, сколь страшно мы унижены, и даже более того — что мы глени и прах, гроб повапленный. Хлеба насущного ради мы подчинились злейшим изменникам и через них обречены попасть под пяту Испании. Из чистого страха терпим мы в стране рабство, духовное одичание и отказываем себе в высшем благе — свободе совести. Мы, бедные дворяне, служащие в войсках Лиги или занимающие государственные должности, и мы, именитые горожане,

поставляющие ей товары, и мы, простой люд, идущий за ней: мы не всегда глупы, а иногда и не бесчестны. Но как же нам быть? Пошепчемся между собой, тайком вознесем молитву Богу, а после неожиданной победы короля у деревни Арк на короткое время укрепимся в надежде, что настанет день!

Странное дело — издали события обычно представляются значительнее, нежели вблизи. Король одержал победу на берегу Северного моря; казалось бы, тем, что живут всего на расстоянии двух-трех дней пути, было над чем призадуматься. Особенно в Париже следовало оглянуться на себя и отречься от своих упорных заблуждений. Ничуть не бывало! На севере многие воочию видели, как, рассеявшись шайками по стране, бесчинствует разбитое несметное войско Лиги. Но взять это в толк никак не могли. Лигу здесь по-прежнему считали непобедимой и говорили лишь, что вследствие густого тумана, поднявшегося с моря, и благодаря другим обстоятельствам, составляющим военную удачу, король отвоёвал незначительный кусок земли, вот и все.

Зато для внутренней части королевства долгожданная развязка явственно приблизилась. На реке Луаре и в городе Туре по старой памяти надеялись, что рано или поздно король пожалует к нам собственной особой. Не первый это будет король, которого бы они встречали сперва несчастным беглецом, а под конец неоспоримым властелином. Об отдаленных западных и южных провинциях и говорить нечего: там битву у деревни Арк видели так, точно она еще раз происходила у них на глазах и была велением небес. Пламенные протестанты крепости Ла-Рошель, у океана, пели тот самый псалом, с которым победил их король: «Явись, Господь, и дрогнет враг...» Весь юг от Бордо наискось вниз, в пылу безудержного восторга, предвосхищал те события, которым еще не приспела пора: покорение столицы, наказание главных изменников и славное объединение королевства их Генрихом, рожденным здесь, выступившим отсюда и теперь ставшим больше всех!

В самом деле, разве его земляки так уж увлекались, не в пример прочим? Большим легче всего назвать человека, которого никогда в лицо не видал. Его же земляки по личным встречам знают, что роста он среднего, носит войлочную шляпу да потертый колет и всегда нуждается в деньгах. Они помнят его ласковые глаза; о чем, собственно, говорят эти глаза: о бодром духе или о пережитых печалях? Во всяком случае, он находчив, умеет подойти к про-

столюдину; еще лучше умеет обхаживать женщин. Из них многие, никому не счесть сколько, могли бы выдать его тайны. Но, обычно такие болтливые, тут они разом умолкают. Словом, здесь его знали в лицо и только что не участвовали в его последнем деле там, на севере, где стоял туман, где наши пели псалом, когда шли в атаку и одолевали могучее войско. Дело было нешуточное, и, пока оно свершалось, небо и земля ждали, затаив дыхание.

Но теперь о победе стало известно и в самых дальних краях. О короле там до сих пор ничего не слыхали. На большом расстоянии такая молодая слава кажется беспорочной и не от мира сего. И тем больше становится сразу носитель ее. Мир ждал его, миру опротивело терпеть в качестве единственного господина и повелителя Филиппа Испанского, вечно того же безотрадного Филиппа. Угнетенный мир давно молил об избавителе: и вот он явился! Что такое его победа? Ничтожная битва, отнюдь не решительный перелом, и все же она важнее, чем недавняя гибель Армады. Тут некто своими собственными силами потряс трон властителя мира. Сотрясение, хоть и слабо, все же ощущается за рубежами, за горами и даже на том берегу моря. Говорят, будто в одном славном заморском городе ходили по улицам с его портретом. Только его ли был портрет? Он сильно потемнел, его вытащили на свет Божий в лавке старьевщика, отмыли. «Король Франции!» — вскричал народ и устроил шествие, даже попы примкнули к толпе. Молва всеведуща и крылата.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Сам он не торжествовал победы. Ибо удавшееся дело тотчас же влечет за собой следующее; кто не хитростью добивается успеха, а честно зарабатывает его, тот даже не чувствует победы, и еще меньше опьянения. Король помышлял лишь об одном: как бы наскоком занять свою столицу Париж, пока еще герцог Майенн с разбитым войском Лиги не добрался до нее. Король был проворнее; а кроме того, парижане поверили рассказням, будто Майенн победил его и обратил в бегство; это дало ему лишнее преимущество. Однако к его приходу Париж уже опомнился и приготовился к обороне, впрочем, весьма bestолково. Вместо того чтобы удерживать крепостные стены и валы вокруг внутреннего города, па-

рижане решили защищать и предместья. Это было на руку королю, который замыслил опрокинуть их в открытом поле и на плечах у беглецов ворваться в городские ворота.

Он без труда овладел наружными укреплениями, однако ворота в последний миг успели запереть. Попытка кончилась тем, что войска его, все эти швейцарцы, немецкие ландскнехты, четыре роты искателей приключений, четыре тысячи англичан, шестнадцать французских полков, всем скопом наскочили, принялись громить, грабить, убивать. И больше ничего... Короля, правда, встречали криками ура, но среди грабежей и убийств. Он хоть и отдал приказ стрелять по городу поверх стен, но сам уже знал, что столицы своей ему не взять и на этот раз. Тогда он отправляется на покой во дворец, носящий его родовое имя: Малый Бурбонский зовется он; Генрих проник сюда как чужой, и скудная постель ждет его здесь — всего лишь охапка свежей соломы. Три часа остается ему для сна, часть их уходит на думы и сопоставления.

«В городе стоит Луврский дворец, там пленником промаялся я долгие назидательные годы, и след тех годов остался на мне. Неужто свободным человеком и королем мне никогда не видеть этого города? Однажды, в Варфоломеевскую ночь, во дворце пали почти все мои друзья, а в городе — большинство моих единоверцев. Вы отомщены спустя восемнадцать лет! Только на одном перекрестке мои солдаты умертвили сегодня восемьсот врагов, восклицая при этом: святой Варфоломей! Ужасно, что все возвращается и ничто, ничто не может веки исчезнуть из мира. Я предпочел бы прощение и забвение, я предпочел бы человечность. Что же истинно в наших распрях? Что я знаю? Верно одно: и в стенах города, и за ними мы только и делаем, что убиваем. Если б я проскочил в ворота раньше, чем их успели закрыть! Я бы показал парижанам милостивого победителя и истинного короля. У королевства была бы столица, у человечества — цель, на которую оно могло бы благостно поднять взор. А взамен — лишь немного утоленной мести, и привычное кровопролитие, и военная удача».

У тридцатилетнего Генриха много позади горестей и неустанных трудов, но и радостей он вкусил без числа благодаря своему веселому нраву, а теперь вот он лежит на свежей соломе возле большого обеденного стола. Он еще раз вскакивает: король велит щадить церкви — «и людей также!» — кричит он вслед капитану. Затем все-таки засыпает, ибо он научился владеть собой при неза-

дачах и горестях не менее, чем в дни непредвиденной милости судьбы. Сон — его добрый друг — является исправно и приносит обычно то, что требуется Генриху: не страхи, а видения, сулящие добро. Сегодня Генриху привиделись во сне подплывающие корабли. Сперва они парили в дымке горизонта, потом выросли в мощные, сверкающие громады, заполонили залитое солнцем море: они приближались, они искали его, Генриха. Сердце у него забилося, и во сне его осенило, что означает это посещение. О чем-то подобном шла речь вскоре после выигранной им битвы. Он тогда не стал вслушиваться по причине насущных, безотлагательных забот и трудов. Тут было не до сказок. Когда он пробудился после трехчасового сна, видение кораблей снова изгладилось из его памяти.

Наступил День Всех Святых; католики из королевской армии разбрелись по церквам предместий. Тем, что укрылись за стенами, было не до праздника, они оплакивали своих убитых и боялись за себя. Но к вечеру они были спасены, ибо войска Лиги подошли к Парижу и король не мог помешать им занять город с другой стороны; время было упущено. Он позволил своим захватить еще одно аббатство и прикончить триста парижан. Это было прощание, и не из красивых, никто лучше короля не понимал этого. Он и наказал себя — решил подняться на колокольню, чтобы увидеть город, а в провожатые взял монаха. Наверху на узкой площадке, наедине с монахом, Генрих пришел в смятение, ему вспомнился король, его предшественник. Ведь тот был убит монахом. Да и на него самого не раз уже из рукава рясы глядел нож. Миг — и он очутился позади своего провожатого, схватил его за обе руки. Монах не шелохнулся, хотя был рослый и дюжий. Генрих недолго глядел сверху на свою столицу; спускаясь по лестнице, он пропустил ненадежного проводника вперед, сам же шел, отставая на две ступени. Внизу он встретил своего маршала Бирона.

— Сир, — сказал Бирон, — ваш монах выскочил из двери и удрал.

В это мгновение раздался радостный вопль парижан, прибыл их полководец Майенн, собственной персоной, они угощали его солдат на улицах. На следующий день король привел свое войско в боевую готовность и дал врагу три часа сроку на то, чтоб выйти в открытое поле. Тщетно, — Майенн был осторожен; тогда король отошел. По пути он занимал крепости, но некоторые его полки, не получая жалованья, разбрелись. С оставшимися король поспекал

в свой город Тур, чтобы принять там послов Венеции. Молва не обманула: старая республика издаликала слала свои корабли. Послы высадились на берег, и, пока король покорял мелкие города, они не спеша следовали вглубь страны на север, дабы воздать ему почести.

СКАЗКА

Он изо дня в день слышал об их приближении, волновался и потому посмеивался.

— Дождь! У волхвов подмокнет ладан.

А самому было страшно, что Лига возьмет их в плен и перехватит у него, прежде чем они прибудут на место со всей великой pompой и громкой хвалой, которой собирались почтить его. Когда они были еще в нескольких днях пути от Луары, он выслал им на встречу многочисленный отряд, якобы в виде почетного конвоя, но на деле с более серьезной целью. После этого он стал ждать их в своем Турском замке, и ждал долго. В пути один из престарелых венецианских вельмож захворал.

— Да, республика весьма стара, — сказал Генрих своему дипломату, Филиппу дю Плесси-Морнею.

— Старейшая в Европе, сир. Она была в числе могущественнейших, теперь же она наиопытнейшая. Кто говорит «опыт», обычно не понимает, что под этим подразумевается упадок. Тем, что едут сюда, известно и это. Так вникните же в происходящее! Это мудрейшая республика, главная ее забота в том, чтобы с достоинством нести старческие немощи и отодвигать конец, она держит лучших наблюдателей при всех дворах и упорно читает, читает донесения: вдруг она встрепенулась, она действует, Венеция бросает вызов всемирной державе, она воздает почести вам после вашей победы над всемирной державой. Как же велика, значит, ваша победа!

— Я поразмыслил над своей победой. Победа, господин де Морней, — начал Генрих, запнулся и, прежде чем продолжать, быстро прошелся взад и вперед по каменной зале Турского замка.

Товарищ его юношеских лет следил за ним глазами и в который раз решал, что правильно выбрал себе государя. Этот одному только Богу воздает хвалу за свою победу! Непреклонный протек-

стант снял шляпу при этой мысли. Так стоял он, сорокалетний человек в темной одежде; шею, по обычаю его единоверцев, окружал скромный белый отложной воротник, нижняя часть лица у него была сократовская, лоб высокий, необыкновенно гладкий и восприимчивый ко всяческому свету.

— Морней! — Генрих остановился перед ним. — Победа стала не та, что прежде. Оба мы знавали ее иной.

— Сир! — возразил посол ясно и невозмутимо. — В прежнем вашем звании короля Наваррского вы вразумили несколько злонаправленных городов, которые были непокорны вам. Десять лет трудов и усилий — и в итоге одно значительное сражение: после этого крылатая молва — Фама достаточно прославила вас, чтобы вы сделали наследником французской короны. Король Франции, каковым вы стали теперь, будет менее кропотливо бороться, более величаво побеждать, и молве придется в его честь живее взмахивать крылами.

— Если бы разница была только в этом! Морней, после той моей победы, ради которой венецианцы едут сюда, я осадил Париж и ушел ни с чем. Разве венецианцы этого не знают?

— До Венеции далеко, и они уже были в пути.

— Они могли воротиться. Ведь они люди умные. Им ли не понять, что значит, когда королю приходится осаждать собственную столицу, и притом тщетно. Поубивал, пограбил — и ушел, заглянув с колокольни в город и испугавшись какого-то монаха.

— Превратности военной удачи, сир.

— Так мы это объясняем. Но что это на самом деле? В то время как я охранял одни ворота, Майенн вступил в другие. Переправился через мост, который по моему приказу должны были снести, но не снесли. Вот что такое военная удача. У меня есть подозрение: когда побеждаю я, о ней можно сказать то же самое.

— Дело рук человеческих, сир.

— Все равно, есть же полководцы... — Генрих осекся, он вспомнил полководца по имени Парма: как гласит молва о его мастерстве, тот не полагался на военную удачу и не отговаривался тем, что все дело рук человеческих. — Морней! — воскликнул Генрих и встряхнул своего советчика. — Ответь мне! Могу я побеждать? Мое призвание — спасти это королевство; но спокойнее был мой дух, когда никто еще не ехал сюда воздавать мне почести прежде времени.

— Венеции угодно считать, что вы победили, сир. Она не вернула бы своих послов, даже если бы ваше войско пришло в полное расстройство.

Генрих сказал:

— Итак, мне дано познать, что слава — одно недоразумение. Я заслужил ее, а награжден ею все-таки незаслуженно.

И тут же выражение лица его изменилось, он повернулся на каблуках и весьма игриво принял тех господ, что как раз входили к нему. То были лучшие его сподвижники, нарядившиеся в новое платье.

— Молодец, де Ла Ну! — вскричал Генрих. — Рука железная, а переплыл реку! Молодец, Рони! На вас драгоценности из хорошего дома, хоть и не из вашего собственного, а уж сколько денег нашли и забрали вы в парижских предместьях! Не сделать ли мне вас своим министром финансов, вместо толстяка д'О?

Он огляделся, ему показалось, что они мало смеются.

— Ничего я так не боюсь, как людей невеселых. Это люди неверные.

Те молчали. Он по очереди всматривался в каждого, пока не угадал всего. Тут ему кивнул его верный д'Обинье, сперва товарищ по плену, затем боевой соратник, неизменно смелый, неизменно праведный и в стихах и в делах. Этот испытанный друг кивнул и сказал:

— Сир! Так и есть. Насквозь промокший гонец прибыл, как раз когда мы уже приоделись для приема.

Страх охватил Генриха. Он дал ему утихнуть. Только вполне овладев голосом, он весело ответил старому другу:

— Что поделаешь, Агриппа, военная удача переменчива. Послы воротились. Но они еще передумают, ибо скоро я дам новое сражение.

За дверьми послышался сильный шум. Они распахнулись; между двух стражей появился, запыхавшись, не в силах вымолвить ни слова, насквозь промокший гонец. Его усадили и дали ему напиток.

— Это уже другой, — заметил Агриппа д'Обинье.

Наконец тот заговорил:

— Через полчаса послы будут здесь.

Генрих как услышал — схватился за сердце.

— Теперь я заставлю их ждать до завтра. — И вслед за тем поспешно удалился.

За ночь свершилось чудо, и ноябрь превратился в май. С юга повеял теплый ветер, разогнал все тучи, небо простерлось светло и широко над парком Турского замка, над рекой, медленно и вольно протекавшей вдоль полей, посреди королевства. Стройные березы стояли почти оголенные; из замка видно было, как причаливают корабли, на которых переправлялись послы. Их поселили в загородных домах на том берегу. У окон первого этажа, вровень с землей, расположился двор, кавалеры и дамы, разряженные так богато, как только могли или считали подобающим. Роклор оказался всех изящней. У Агриппы были самые большие перья, Фронтенак соревновался с Рони. У последнего на шляпе и воротнике было больше драгоценностей, чем на платьях дам. Но лицо его, молодое и гладкое, выражало ту же умную сосредоточенность, что и обычно. Появилась сестра короля, сразу же показав себя прекраснейшей из дам. На высоком воротнике из кружев и алмазов покоилась ее изящная белокурая головка; лицо дамы, по придворному чопорное, все же обнаруживало внутреннюю ребячливость, которую не стирает ничто. Она была еще на пороге, когда ее тканное золотом покрывало зацепилось за что-то. Или, быть может, хромая нога подвела ее? Весь двор выстроился шпалерами на пути принцессы. Тут она видит, как в противоположную дверь входит король, ее брат. Короткий радостный вскрик, она забыла о себе, она без малейшего труда пробегает несколько шагов.

— Генрих!

Они встретились в середине залы. Екатерина Бурбонская преклонила колено перед братом — они вместе играли в начале жизни, они путешествовали по стране в неуклюжих старых колымагах вместе с матерью своей Жанной. «Милая наша мать, хоть и была больна и беспокойна, но сколь сильна через веру, которой учила нас! И оказалась в конце концов права, хотя сама умерла от яда злой старухи-королевы, да и на нашу долю выпало немало страшного и тяжелого. И все же мы сейчас стоим посреди залы в сердце королевства, мы теперь король с сестрой и собираемся принимать венецианских послов».

— Катрин! — сквозь слезы произнес брат, поднял сестру с колен и поцеловал. Двор восторженно приветствовал обоих.

Король в белом шелку, с голубой перевязью и красным коротким плащом, повел принцессу, держа ее руку в поднятой руке, двор расступился, но позади царственной четы сомкнулся вновь. Они остановились у самого высокого окна; все столпились во-

круг — и не всякий, кто пробрался вперед, был из лучших. Сестра сказала на ухо брату:

— Не по душе мне твой канцлер Вильруа. Еще меньше мне по душе твой казначей д'О. А есть у тебя и того хуже. Генрих, милый брат, если бы все, кто тебе служит, были нашей веры!

— Я и сам бы хотел того же, — на ухо сказал он сестре, но при этом кивнул как раз тем двум придворным, которых она назвала. Она в досаде повернула назад; чем дальше от толпы, тем дружественней лица. У стены Катрин наткнулась на целую группу старых друзей: боевых соратников брата, кавалеров былого наваррского двора, — в ту пору они обычно носили колеты грубой кожи.

— Вы расфрантились, господа! Барон Рони, когда я учила вас танцевать, у вас еще не было алмазов. Господин де Ла Ну, вашу руку! — Она взяла железную руку гугенота — не живую его руку, а железную взяла она и сказала лишь для него да для Агриппы д'Обинье и долговязого дю Барта: — Если бы Господь попустил одной-единственной песчинке на нашем пути скатиться иначе, чем она скатилась с холма, нас бы не было здесь. Ведомо вам это?

Они кивнули. На сумрачном лице долговязого дю Барта уже можно было прочитать духовные стихи, которые складывались у него в уме, но тут снаружи загремели трубы. Идут! Надо приосаниться и предстать перед послами могущественным двором. Чуть ли не все лица мигом изобразили сияющую торжественность, смягченную любопытством; все выпрямились, и принцесса Бурбонская тоже. Она огляделась, ища дам, но их мало было при этом кочевом дворе и походном лагере. Быстро решившись, она взяла за руку и вывела вперед Шарлотту Арбалест, жену протестанта Морнея. Вдруг возникло замешательство.

Послы там внизу, наверно, не сразу наладили порядок шествия. А трубачи чересчур поторопились. Дорога от берега шла в гору; может статься, венецианские вельможи были слишком дряхлы, чтобы взобраться по ней? Король, по-видимому, отпускал шутки, по крайней мере окружающие смеялись. Принцесса, сестра его, подвела свою спутницу к другому окну; она была в смятении: подле венценосного брата стоял кузен Суассон, которого она любила. «Если бы я хоть не шла рука об руку с этой высоконравственной протестанткой!» — думала Екатерина, словно сама она была иной веры. Да, она забылась, как забывалась на протяжении всей своей короткой жизни, при неожиданной встрече с возлюбленным. Серд-

це ее колотилось, дыхание стало прерывистым; чтобы скрыть смущение, она приняла самый надменный вид, но почти не понимала, что говорит своей соседке.

— Сердцебиение, — говорила она. — У вас его не бывало, мадам де Морней? Например, еще в Наварре, когда у вас вышли неприятности с консисторией из-за ваших прекрасных волос?

Голова Шарлотты Арбалест была покрыта чепцом; он доходил почти до самых глаз, изливавших блеск и не ведавших робости. Добродетельная жена протестанта Морнея спокойно подтвердила:

— Меня обвинили в нескромности, потому что я носила поддельные локоны, и пастор не допустил меня к причастию и даже господину де Морнею отказал в нем. Хотя прошло столько лет, сердце у меня по сию пору не может оправиться от тех волнений.

— Вот как несправедлива бывает к нам наша церковь, — поспешила убедить себя принцесса. — Ведь вы же во имя нашей религии обрекли себя на изгнание и нищету после того, как спаслись от Варфоломеевской ночи. Все мы, ожидающие здесь послов, были прежде либо узниками, либо изгнанниками во имя веры: вы сами с господином Морнеем, король — мой брат, и я также.

— И вы также, — повторила Шарлотта; ее ясный взгляд лился прямо в глаза Катрин, которая дрожала от смущения. Что бы я ни говорила, эта женщина видит меня насквозь, поняла она.

— Наперекор пасторам, вы еще долго носили рыжеватые локоны, — настаивала бедняжка Екатерина. — И вы были правы, скажу я. Как же так? Сперва преследования, изгнание, а когда, наконец, вы воротились на родину, вашу жертву не принимают. Из-за чего же — из-за локонов.

— Нет, я была не права, — созналась жена протестанта. — Я проявила нескромность. — Тем самым она хоть и выдавала собственную слабость, но, в сущности, напоминала принцессе о ней самой и ее куда более тяжком прегрешении. На это она намекнула вполне ясно. — Нескромность моя была не только оправданна: она была предумышленна и противостояла любым угрозам. Однако же благодать снизошла на меня в молитве, я отринула то, что было греховно. С той поры я скромно ношу чепец.

— И страдаю сердцебиением, — сказала Катрин. Гневным взглядом окинула она лицо собеседницы, бледное, смиренное, вытянувшееся, каким оно стало теперь. «Прежде, когда она была миловидна, мы вместе посещали балы», — подумала она. Гнев ее сразу остыл.

Ею овладело сострадание, недалеко было и до раскаяния. «А я все такая же, как раньше, и грех мой при мне. Я себя знаю, я не заблуждаюсь, но при этом неисправима; прощения мне не будет», — в раскаянии думала она. — Господи, помоги мне нынче же вечером надеть чепец! — молилась она тихо и настойчиво, хоть и без большой надежды быть услышанной.

Граф Суассон очутился перед ними, он сказал:

— Сударыни, его величество изволит требовать вас к себе.

Обе покорно склонили головы, лица у них остались невозмутимы. Он повел обеих дам, держа их за кончики пальцев поднятыми руками. Руку кузины он пытался потихоньку пожать. Она не ответила на пожатие и шла, отвернувшись. Учтиво передал он ее венценосному брату.

Между тополей блеснул металл, у всех сперва возникла мысль об оружии или военных доспехах.

— Нет, — сказали женщины, — нам ли не знать, как сверкают драгоценные камни. Или по меньшей мере золотое шитье.

А на деле было и то, и другое, и еще много больше: все диву дались, увидав серебряный корабль, тот плыл, казалось, по воздуху, опережая самое шествие, когда оно еще едва виднелось. Серебряный корабль был так велик, что люди могли бы поместиться на нем, — и правда, чьи-то руки ставят парус, только руки детские. Команда на корабле состоит из мальчиков, они изображают моряков и поют подходящие песни. Звон струн вторит им бог весть откуда, да, впрочем, неизвестно: чем движется и сам волшебный корабль?

В двадцати шагах от замка корабль остановился, вернее, опустился наземь, и из-под роскошных тканей, свисавших с его носа, выскочили карлики: они-то и несли его. Горбатые карлики, все в красном, и как бросятся врассыпную, точно чертенята, на потеху двору. Между тем приблизились носилки. Как? Да это трон. Только что это сооружение почти везли по земле, а теперь оно поднимается, — лишь совершеннейшие машины могут так бесшумно вознести его на воздух, — и превращается в трон. Воздух отливает голубизной и вольно овеивает белокурую головку женщины на троне. Над белокурой головкой высокий убор из локонов и крупных жемчугов. Трон — чистый пурпур, женщина — великолепное создание в золотых одеждах, как на картинах Паоло Веронезе. Кто это? На глазах у нее черная бархатная маска, — кто это? Двор притих. Король обнажил голову, за ним все остальные.

Подле высокого трона выступали, тяжело шагая, грозные фигуры, — черные латы, мрачная пестрота одеяний, непокрытые головы, рыжеватая или черная дикая поросль волос. Их узнали по чудовищным челюстям: то склавоны, покоренные подданные Венеции. Им на смену явились рыбаки, истые сыны морской столицы, без прикрас, в заплатанном платье, со стертými веслами, — такими их увезли из-под моста какого-нибудь канала. Эти пели звонкими голосами, бесхитростно и ясно, хотя язык не всем был знаком. Получалось торжественно и при этом весело. Двору представился храм, невидимый, издалека искрящийся храм над морем.

Певцы умолкли, оборвав на прекраснейшей ноте, ибо дама на троне подняла руку. То была необыкновенная рука, полная, с заостренными и чуть загнутыми кверху пальцами, цвета розового лепестка, без всяких украшений. Она подавала знак горделиво, но влекуще, точно любовнику, до которого милостиво снисходит знатная дама. Посол, понял двор; и король Франции один вышел на площадку приветствовать его.

Тут рыбаки отодвинулись от трона и преклонили колени. Отдвинулись и преклонили колени воинственные склавоны. Преклонили колени дети на серебряном корабле и красные карлики у отдаленных кустов. Путь перед тронem расчистился, на него вступил худощавый человек в черной мантии и берете: ученый, решил двор. Почему ученый? Неужто республика посылает в качестве главы посольства ученого? Двое других, седобородые военачальники, идут позади него.

Агриппа д'Обинье и дю Барта, два гуманиста, носившие на теле много шрамов от старых и новых битв, торопливо переговаривались, меж тем как посол медленно приближался к королю. Господин Мочениго, родственник дожа и сам весьма преклонных лет. Он участвовал в знаменитом сражении при Лепанто, когда была одержана победа на море над турками. Теперь же обучает латинскому языку в Падуе, отсюда знает его христианский мир.

— Какая великая честь! — торжествовал поэт Агриппа. — Господин Мочениго воздаст хвалу нашему королю! А я от радости мог бы в стихах описать битву при Лепанто, словно сам был очевидцем!

— Опиши лучше нашу ближайшую битву, — мрачным тоном потребовал долговязый дю Барта. «Я же тогда умолкну навеки», — сказал он про себя своему вещему сердцу.

Король теперь уже вновь надел шляпу с пером и загнутым полем. Не затененные ею глаза его широко раскрыты, чтобы ничего не упустить. Однако он кажется взволнованным, и даже слезы, пожалуй, готовы выступить у него на глазах, возможно, он потому так широко и раскрывает их, веки его неподвижны, и весь он застыл в неподвижности. В знак приветствия посол склонил голову на грудь. Потом поднял, откинул ее, и тут только всем стало видно его лицо. Всем стало видно, что один глаз у него закрыт и пересечен красным шрамом.

Он заговорил, латинская речь его звучала удивительно стройно, плавно, но твердо. Двору представился мрамор. И тут же стало ясно, какое это лицо, — резкие черты, острый нос, опущенные углы рта, все как на бюстах Данте, лицо старого мудреца. Придворным далеко не каждое слово было понятно, на знакомом языке говорили чуждые уста. Но по этому лицу чувствовалось, что королю их оказан великий почет: его сравнивали с римскими полководцами и находили достойным их.

Генрих, единственный из всех, понимает каждое слово, и не только в прямом его смысле: гораздо глубже. «Выносятся приговор твоему делу. Кто ты? Это слышишь ты из речи или, вернее, угадываешь, пока она звучит. Одноглазый мудрец для вида сравнивает тебя с первым покорителем этого королевства, римлянином Цезарем, твоим предшественником. В действительности он предостерегает тебя от того, чтобы ты не остался таким, каков есть, боевым петухом и лихим наездником, великим в малом, не испытанным на больших делах. Я знаю, кого он мне предпочитает: своего соотечественника, Фарнезе, герцога Пармского, славнейшего стратега современности. Я же не таков, я всего лишь боевой петух без большой сноровки...»

От этого ему стало душно, и глаза он раскрыл еще шире. Гость, неожиданно высказавший ему истину, сам со вниманием, — тут только со вниманием, — вгляделся в его лицо — нашел, что оно худощавее всех остальных, — и как раз эта худоба свидетельствовала о рвении и самоотречении, каких посол не ожидал найти здесь. Он прервал речь, он сложил руки.

Когда он заговорил вновь, голос его звучал глухо, уже не плавно и твердо; сказал он еще немного слов, и главное из них было «любовь».

— И если имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви...

Евангелие вместо Цезаря; это не было предусмотрено, это всех поразило, а больше других самого оратора, который на том закончил. Тогда и Генрих поступил непредвиденно. Он не протянул послу руку, как было условлено заранее, чтобы посол с его помощью поднялся на площадку: он сам спрыгнул вниз, обхватил его, обнял и расцеловал в обе щеки. Двор видел это и шумно выразил свое удовольствие. Дети на серебряном корабле видели это, восседающая на троне женщина в золотых одеждах видела это — и так как она была дочерью одного из рыбаков в заплатанном платье, то позабыла всякую величавость и захлопала в ладоши. Захлопали в ладоши воинственные склавоны, и рыбаки, и оба седобородых военачальника.

Генрих огляделся и весело рассмеялся — хотя в тот же миг неведомый трепет пробежал у него по плечам. Не такой, когда за спиной у тебя убийца, нет, на сей раз то было веяние крыл. Тебя касается слава, — впервые, когда тебе уже под сорок. Тебя касается великая всемирная слава. На вид она точно сказка полуденных стран и вот-вот отлетит и заставляет содрогаться от тайного трепета.

— Господин посол, когда церемония окончится, поблаговолите побеседовать со мной наедине.

— Сир! О чем?

— О герцоге Пармском.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ

«Я должен добиться своего сражения», — подумал Генрих, едва успели уехать послы Венеции; вернее, он впервые сказал это себе при их торжественном прибытии. Именно устрашающая слава открыла ему глаза на его положение. Он все еще король без короны, у которого нет столицы. У такого полководца, как он, всегда нужда в деньгах, и, чтобы войско его не разбежалось, ему необходимо почаще завоевывать города; и те платят за него. Но это города его королевства; трудное дело оставаться отцом отечества, и притом близким народу, и в то же время рыскать по стране, покоряя своих врагов и взимая поборы. Не прошло и недели после турецкой волшебной сказки, как он снова очутился в самой гуще суровой жизни.

Манн Г.

М 23 Зрелые годы короля Генриха IV : роман / Генрих Манн ; пер. с нем. Н. Касаткиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-19219-5

Дилогия немецкого писателя Генриха Манна о французском короле Генрихе IV заслуженно считается шедевром исторической прозы, сравнимым с лучшими романами Александра Дюма и Генрика Сенкевича. Время и место действия — Европа, шестнадцатый век, один из самых кровавых и мрачных: гражданские войны, религиозный фанатизм, Варфоломеевская ночь, смертельная борьба за власть... Европе требовался правитель, способный не только загасить пламя войны, установив долгожданный мир, но и поменять весь ход истории, толкающий народы в бездонную пропасть смерти. Таким правителем оказался король Генрих IV из династии Бурбонов. Многие писатели обращались к жизни этого великого монарха, от Вольтера до Александра Дюма, однако именно Генриху Манну принадлежит наиболее увлекательное, исторически верное и подробное жизнеописание одного из самых популярных королей Франции.

В настоящее издание вошла вторая часть дилогии о Генрихе IV, из которой читатель узнает о дальнейшей судьбе короля, о его стремлении восстановить порядок в опустошенной войнами Франции, а также о всевозможных дворцовых интригах и разнообразных любовных связях Генриха IV, чуть не стоивших ему жизни.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИХ МАНН
ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Юлия Теплова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 01.03.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-IIN-27926-01-R